

рибута травли и применительно к клевете), против которого обоснованно возражают многие исследователи, поскольку он сужает возможности применения данной статьи. Представляется также, что если сохранять деление ст. 99 на две части, то их следует поменять местами, т. е. отношения зависимости отразить в качестве квалифицирующего признака.

Название статьи («Доведение до самоубийства») необходимо сохранить в прежнем виде, поскольку оно привычно и понятно практическим работникам и широким слоям населения. Кроме того, оно отражает наиболее распространенные случаи, когда жесткие действия совершаются систематически и образуют именно доведение до самоубийства.

Предложенная реконструкция нормы приблизила бы закон к потребностям практики.

Список литературы: 1. Авакян Р. З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние.— Ереван, 1971. 2. Джамалов Б. У. Совершенствование законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью.— Ташкент, 1987. 3. Сарыев Б. С. Ответственность за преступления против жизни и здоровья.— Ашхабад, 1973. 4. Сташис В. В., Бажанов М. И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике.— Харьков, 1987.

Т. Н. Мирошниченко, канд. юрид. наук

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, СПОСОБАХ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Широкое понимание в юридической науке принципа как начала, исходного пункта «становления бытия» послужило причиной наличия в специальной литературе множества дифиниций принципа права. В одних определениях обращается внимание на то, что принцип — категория объективная, в других юридический принцип трактуют в качестве основных идей и даже понятий, выражающих сущность права [13, с. 9; 12, с. 64; 2, с. 5].

С гносеологической точки зрения важно то, что категория «принцип» тесно связана с категориями «закономерность» и «сущность». Однопорядковый характер этих понятий дает основания определять юридический принцип через закономерности развития общества и права либо через сущность и содержание последнего. Сущность и закон не тождественные, но однопорядковые, одностепенные философские понятия. В известном смысле принцип есть теоретическое обобщение наиболее типичного, что констатирует и выражает закономерность, положенную в основу познания [4, с. 6].

Этот вывод приобретает важное значение в связи с существующей в науке точкой зрения на принципы как на обладающие «осо-

бой непрекаемости, невозможностью отступления от них даже в порядке изъятия» [1, с. 65]. Думается, вряд ли такое свойство вытекает из понятия принципа как «преобразованной формы проявления закономерностей развития», сформулированного самим автором упомянутой точки зрения, поскольку закономерность есть особое состояние закона в необходимом процессе, обусловленное влиянием противодействующих факторов, которые вызывают проявление его в определенной мере соответственно характеру и степени воздействия этих факторов. Закон, как правило, выступает не в чистом виде, а в виде закона-тенденции, «не обладающего непосредственным бытием и являющегося своего рода идеалом в смысле среднего, ...нормального» [9, с. 56]:

Поскольку закономерный процесс протекает во времени и пространстве и состоит из группы законов-тенденций, постольку с учетом противодействующих сил он «проявляется не фатально-прямолинейно, а в виде некоторого итога, суммирующего также случающиеся временные отклонения» [5, с. 33]. В философской литературе эти положения довольно актуальны в связи с исследованием диалектической зависимости категорий необходимости и случайности. Принципиальные положения, таким образом, не исключают наличия изъятий. Более того, они объективно обусловлены, предполагают их и тем самым подчеркивают общее правило. Так, ограничение принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела состоит в недопустимости во имя интересов личности действий, унижающих ее достоинство или опасных для здоровья, при освидетельствовании. В качестве свидетеля не может допрашиваться защитник об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с защитой, хотя такой допрос мог бы прояснить истину. Принцип гласности в судебном разбирательстве ограничивается, если этого требуют интересы потерпевшего. Имеет исключение и принцип законности в силу предусмотренной возможности правоприменения по аналогии.

Дискуссионным в науке продолжает оставаться вопрос о наличии в уголовном процессе принципов, присущих отдельным стадиям. Одни авторы полагают, что принципами являются такие отправные положения, которые имеют проявления во всех стадиях [4, с. 26], другие усматривают действие некоторых из них в отдельных стадиях [13, с. 36; 3, с. 35]. Последняя точка зрения представляется более правильной по следующим соображениям.

Уголовный процесс, протекающий во времени и пространстве, представляет собой систему последовательно сменяющих друг друга стадий с определенным кругом субъектов, задач, итоговых документов. С точки зрения философии элементы исследуемой системы (стадии) представляют собой различные причинно-следственные связи, обуславливающие особенности проявления общих зако-

номерностей применительно к данной системе параметров. Определенному виду отношений, следовательно, свойственны свои законы, выраженные в известных сущностных характеристиках — принципах. Так, принцип состязательности действует только в судебных стадиях. В стадии предварительного расследования ограничено действие принципа непосредственности, а принцип гласности здесь почти исключен.

Нормативные свойства принципов, императив, заключенный в них, признаются в юридической литературе всеми авторами. Разногласия остаются по поводу способов нормативного закрепления их в праве. Уголовно-процессуальный закон не содержит четких указаний на то, какие из его положений являются принципами судопроизводства. Это позволяет строить систему принципов, учитывая важность тех или иных предписаний процессуального закона. При этом, исходя из нормативного характера принципов процесса необходимо учитывать, что форма закрепления их в законе может быть различной. Одни принципы непосредственно выражены в конкретных правовых нормах, например, осуществление правосудия только судом (ст. 15 УПК), гласность судебного разбирательства (ст. 20 УПК), другие могут вытекать из ряда процессуальных норм, например, публичность процесса (ст. 4, 29, 45, 53¹, 247 УПК); состязательность (ст. 261, 264, 296 УПК).

Различия в приемах законодательного закрепления не могут служить основанием для признания или непризнания соответствующего положения принципом права [4, с. 17]. Принцип состязательности, например, как таковой в законе не сформулирован. Более того, в нем отсутствует даже сам термин. Однако главное заключается в том, что закон установил разделение процессуальных функций: обвинения, защиты и разрешения дела (ст. 25, 264, 265 УПК), а также предусмотрел равенство участников процесса (ст. 261 УПК). Эти положения имеют важное принципиальное значение — в них выражен принцип, который получил в науке наименование состязательности. Он, несомненно, имеет нормативный характер. Разумеется, это не исключает необходимости более четкого выражения его в законе.

Отдельные авторы утверждают, что некоторые принципы права формируются и действуют, не будучи до определенного времени четко выраженными в законодательстве. Они могут функционировать в сфере судебной практики и правовых обычаев (традиций), в области складывающихся комплексов субъективных прав и конкретных правоотношений. В качестве таких называются аксиомы: «Никто не может быть судьей в собственном деле»; «Нельзя осуждать дважды за одно и то же» [13, с. 38]. Их с полным основанием можно отнести к общеправовым, получающим свое развитие в уголовно-процессуальном законодательстве.

Под определение принципа как обобщенного выражения сути соответствующего явления, отражающего объективно существующую реальность и действующие в ней закономерности, подпадают и так называемые принципы-определения. Применительно к уголовному процессу таковыми являются определения участников процесса, доказательств, понятия, содержащиеся в ст. 32 УПК.

Исходя из такого понимания сути и назначения важнейших определений уголовно-процессуального права значительно облегчается теоретическое обоснование некоторых проблемных ситуаций, возникающих в связи с введением в новое законодательство некоторых терминов, не согласующихся со сформулированными в УПК. Так произошло с понятием доказательства, содержание которого было существенно изменено Законом Украины «Об организационно правовых основах борьбы с организованной преступностью» от 30 апреля 1993 г., которым предусмотрены в качестве самостоятельных доказательств данные, полученные с применением технических средств. Аналогичная ситуация сложилась и с понятием «лицо, совершившее преступление» (ст. 104 УПК). Сам термин введен в статью без соответствующего определения. В первом случае возникшее противоречие устраняется правоприменителем, применяющим норму-принцип, закрепленную в ст 65 УПК как обладающую большей степенью нормативности. Во втором — внесением соответствующих дополнений в ст. 32 УПК, разъясняющую значение применяемого понятия.

Что же касается возникающих несоответствий между «рядовыми» нормами УПК и последующих законов, то, думается, следует отдавать предпочтение изданным позднее при условии, что они не противоречат принципам процесса.

В настоящее время нет нормативного акта, определяющего порядок утраты силы законов. Юридическая теория выработала положение о «вытеснении» одного закона другим, которым должны пользоваться в подобных случаях. «Последующий закон по тому же вопросу прекращает действие предыдущего закона» [11, с. 30]. Если отбросить все условности о преимуществах УПК перед обычными законами, то именно так и следовало бы поступать — юридическая сила этих законов одинакова. Ученые юристы, однако, считают необходимым повышение роли законов, в частности, «возглавляющих» соответствующие отрасли законодательства. Это во многом способствовало бы укреплению и развитию связей соподчиненности в определенных структурных подразделениях и усовершенствованию связей управления внутри систем [6, с. 106].

Право в целом с позиций теории систем представляет собой открытую, незавершенную (динамическую) систему, которой свойственна определенная стабильность ее элементов. Эта стабильность (предполагающая и изменяемость) во многом обуславливается на-

lichem принципов, внутриправовая функция которых состоит в «цементировании» всех компонентов юридической надстройки государства, внесении единообразия во всю систему юридических норм. Та или иная множественность объектов может быть признана системой лишь при наличии системообразующих связей. Они обеспечивают свойство целостности системы. Применительно к системе права ими являются: генетические, структурные (связи строения), субординации, координации (взаимосвязь) управления.

Что касается связей субординации, то, представляется, для принципов они вообще не характерны. Актуальным в этой связи становится вопрос о правомерности деления принципов на конституционные и иные. Такое разграничение по меньшей мере некорректно, поскольку невольно умаляет значение принципов, закрепленных в отраслевом праве. Общеизвестно, что Конституция — Основной Закон, почти все ее статьи — нормы-принципы. Но это не значит, что есть разница в силе нормативности закрепленных в ней и в других законах принципов, ведь принципы — это всегда обобщенная суть явлений. А ее не бывает больше или меньше. Сути бывает столько, чтобы сообщить явлению качественное своеобразие.

Принципы потому и являются наиболее общими нормами права, что они в одинаковой степени важны независимо от их правового выражения и диапазона их действий. Ничем не оправданы поэтому противопоставления одних принципов другим, в частности, судопроизводственных—судоустройственным, поскольку система принципов судопроизводства «поглощает» систему принципов судоустройства как обслуживающую ее в целях решения задач уголовного процесса. Повидимому именно для данного случая приемлемо обобщение из теории системных исследований: «Система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов, состоящих в единстве со средой, и, как правило, любая исследуемая система является элементом системы более высокого порядка» [7, с. 72; 8, с. 173].

Следует заключить, что в уголовном процессе действует система равновеликих принципов с преобладающими связями координации (взаимодействия). Отношения дополняемости принципов, которые характерны для данной сферы правового регулирования, обеспечивают в целом непротиворечивость системы. Связь между ними настолько непосредственна, что нарушение одного принципа неминуемо влечет за собой нарушение другого. Так, несоблюдение принципа национального языка судопроизводства в конечном счете нарушает принципы и публичности, и «объективной истины», и обеспечения обвиняемому права на защиту.

При построении системы процессуальных принципов часто ограничиваются включением в нее лишь специфических принципов

судопроизводства. Между тем правильнее наряду с отраслевыми относить к системе общеправовые и межотраслевые принципы.

Общеправовые принципы отражены в Конституции Украины и отраслевом законодательстве. Сфера их действия распространяется на все или несколько отраслей права. К ним относят: принцип законности, равенства всех граждан перед законом, презумпции невиновности, национального языка судопроизводства.

Межотраслевые принципы права определяют организацию правового регулирования в нескольких смежных отраслях права. Это принципы: осуществления правосудия только судом, гласности, состязательности, устности, непосредственности, «объективной истины».

К сугубо отраслевым, действующим исключительно в уголовном процессе, относятся принципы: публичности, обеспечения обвиняемому права на защиту.

Таким образом, из приведенной выше системы принципов, действующих в уголовном процессе, вытекает следующее: каждая отрасль права характеризуется, во-первых, общими для всех отраслей основными принципами права; во-вторых, межотраслевыми принципами, которые свойственны объективному и субъективному праву сравнительно больших автономных групп отраслей; в-третьих, принципами, имеющими отношение только к данной отрасли права.

Список литературы: 1. Борисов Г. А. Общие принципы социалистического строя и советское право: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук — Харьков, 1977. 2. Букнина В. С. Принципы советского уголовно-процессуального права: Автореф. канд. дис. — М., 1975. 3. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. — М., 1981. 4. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. — М., 1971. 5. Закономерности социалистического государства. — М., 1983. 6. Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. — М., 1979. 7. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. — М., 1974. 8. Садовский В. Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. — М., 1966. 9. Светлаев В. Д. Закон и закономерность // Проблема социальной закономерности. — Горький, 1978. 10. Советский уголовный процесс. — Саратов, 1981. 11. Тилле А. А. Время, пространство, закон. — М., 1965. 12. Шейндлин Б. В. Сущность советского права. — Л., 1959. 13. Явич Л. С. Право развитого социалистического общества. — М., 1978.

И. Д. Гончаров, канд. юрид. наук

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Правильно проведенное следствие в большинстве случаев заканчивается составлением обвинительного заключения и направлением уголовного дела прокурору для последующего направления